

Дальний

8-Й ДЕНЬ НЕДЕЛИ

Дальний
8-й день недели

«Издательские решения»

Дальний

8-й день недели / Дальний — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833019-3

Хэллоуин в шикарном особняке заканчивается кровавым побоищем, обильно усеянным мистическими знаками. Следователь полиции Марченко обнаруживает артефакты, не вписывающиеся в общую картину случившегося. Однако раскрыть загадку не удаётся. Со временем трагедия совсем выветрилась из памяти и всё пошло своим чередом. Но прошлое вернулось, причём шагнуло в жизнь самого Марченко. Обнаружен труп, а следы явно указывают на резню, устроенную на праздновании Хэллоуина. Находится свидетель...

ISBN 978-5-44-833019-3

© Дальний
© Издательские решения

Содержание

Пролог. Halloween	6
Пролог. Afterparty	13
Пролог. О`кей, Google	22
Глава 1	27
Глава 2	30
Глава 3	33
Глава 4	35
Глава 5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

8-й день недели

Дальний

© Дальний, 2018

ISBN 978-5-4483-3019-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог. Halloween

Воздух в доме тяжелый и липкий. Неумолимо притягивается к стенам и оседает на плоских поверхностях, застревает в лёгких и причудливо перемешивается с сигаретным дымом. Сотни зажжённых свечей, расставленных в канделябрах и настенных подсвечниках, источают ваниль.

Дорогая, старомодная обстановка гостиной напоминает пышные декорации голливудского фильма. Массивная резная мебель красного дерева, а на стенах – оригиналы работ Айвазовского и Тёрнера. Под ногами разостлался художественный паркет, изображающий восьмилучевую диаграмму розы ветров.

Кажется, сейчас, откинув тяжёлую золотисто-коричневую портьерную ткань, декорирующую дверной проём, перед зрителем предстанет герой Антонио Бандераса. В чёрных брюках и белой кружевной рубашке, расстёгнутой наполовину. Вечно привлекательный, сводящий с ума прекрасную половину человечества. С бокалом шампанского и взглядом, от которого подкашиваются любые женские ножки. Даже самые неприступные.

Но нет. Сегодня здесь другой праздник. Молодой человек в костюме палача ещё раз придирчиво осматривает прикреплённую к стене «horror-игрушку» – криво висящий календарь, «проткнутый» пластиковым кинжалом. Сегодняшний день – 31 октября, обведён «кровью» – красной краской с обильными потёками. Клинок, вогнанный в бумагу наполовину, также облит алым колером, стекающим на венге и тик пола, инкрустированного прозрачными кристаллами Swarovski. В дальнем углу зала высится двухметровая статуя Афродиты, непонятно зачем сюда поставленная. По белоснежному лику богини любви и красоты изредка пробегают отблески пламени, выхватывая из полумрака равнодушный холодный взгляд поверх толпы беснующихся подростков. В правой руке изваяния замерла роза, а левая покоится на складках хитона.

Одетые в костюмы вампиров и оборотней, ведьм, королей и прочих сказочных персонажей, юноши и девушки громко смеются, пьют коктейли и курят. Их человек двадцать или около того. Некоторые, разбившись по парам, занимаются тем, что у обычных людей принято называть сексом.

Высокий длинноволосый юноша лет восемнадцати, облачённый в костюм Мефистофеля, отделился от сидящих и неторопливо подошёл к окну. Парень долго вглядывался в залитое огнями Рублевское шоссе и проезжающие по нему машины.

Скукота.

Ночной ветер срывает остатки листьев с деревьев и размазывает капли дождя по толстому стеклу. Наступила ночь, и нюансы, детали городского пейзажа растаяли в пасти мрака, оставив после себя лишь очертания, да тени вокруг фонарей.

– Влад, пошли к нам!

Юноша откинул прядь иссиня-чёрных волос назад, полуобернулся на женский голос, и снова хмуро уставился в окно. Стройная длинноволосая брюнетка, в костюме чёрной кошки, ещё несколько секунд смотрела на высокий силуэт у окна, не отреагировавший на её голос, и затушила недокурную сигарету.

– Он нас покинул, о небеса! – театрально выдохнула рыжая полнушка, играющая роль ведьмы. Девушка икнула и стыдливо прикрыла рот рукой, облаченной в перчатку. Раздался чей-то пьяный смех. Брюнетка смерила рыжую испепеляющим взглядом. Но та, кажется, в полумраке этого не заметила. Она приподнялась с дивана, намереваясь встать, но сидящий рядом вампир ухватился за пояс её костюма и резко потянул вниз. С неестественно громким треском пояс порвался, однако этого хватило, чтобы ведьма грузно плюхнулась обратно на место.

– Сиди, где росла! – Пьяный вампир попытался обнять рыжую, но та пронзительно завизжала и вырвалась. Выбежав на середину комнаты, она замерла как вкопанная, оглядывая обстановку округлившимися от ужаса глазами. Затем обхватила голову руками и помчалась в коридор. Освещаемый лишь свечами, тот выглядел таинственно и зловеще, словно глотка проснувшегося дракона.

Пронзительный крик заставил Мефистофеля вздрогнуть и напрячься, но всё же от его внимания не ускользнуло то, что в этот момент освещение Рублёвки моргнуло.

Стоны и шумное дыхание за драпировкой прекратились. Через несколько секунд оттуда выпрыгнул вурдалак, спотыкаясь и застёгивая на ходу ширинку.

– Бл... ть, вы чё там орёте?

Но на него никто не обращал внимания.

– Ну блиин, у нас же Хэллоуин, а не выпускной института благородных девиц. – Вторил недовольному вурдалаку женский голос из-за занавеси. – Можно вести себя и потише.

Но вряд ли парочка неудачливых любовников нашла понимание у Элвиса Пресли. Тот плеснул в стакан немного виски и опрокинул в рот одним махом. Затем натянул маску на лицо и, аккуратно подняв со стола Светильник Джека, вышел на середину гостиной. На то самое место, где ещё минуту назад стояла ведьма.

– Так понимаю, совокупление Вурдалака с Королевой было неожиданным образом прервано. – Он обвёл взглядом присутствующих, делая многозначительную паузу. – Значит, скорого появления на свет наследника царского престола нам не видать. – Тут Элвис покачнулся и воздел обе руки к потолку, умудряясь удерживать в одной из них тыкву. – Так выпьем за то, чтобы они не передумали!

– Э, а где твой бокал, тамада?

Только сейчас до Элвиса дошло, что стоит перед публикой без стакана. Надо как-то выпутываться из положения.

– А мне на сегодня уже хватит. – Он опустил руки и демонстративно нежно поцеловал овощ.

Вампир выглядел резко протрезвевшим и подавленным. Непослушной рукой поправил воротник костюма и сделал несколько глотков коктейля с уже растворившимся льдом.

– Нихрена ты напугал Юльку, – к вампиру подседа поближе золушка, – Жень, колись. Ты что, ей улыбнулся? – и она пылливо на него уставилась.

– Не смешно, – Женя буркнул в ответ на подкол, и было видно, что парень ещё не пришёл в себя от неожиданной выходки ведьмы. – Я ничего такого не делал.

Тут взгляд золушки упал на лежащий на полу пояс от костюма ведьмы. Он был чёрным, и потому едва различимым в темноте. Она нагнулась, поднимая кусок шёлковой ткани.

– Ты порвал её костюм! Ты что, приставал к ней? Ах, проказник, – золушка игриво пригрозила пальцем вампиру. – Всё с тобой ясно.

– Ничего тебе не ясно. – Тот обиженно от неё отвернулся. – Просто она дура. Вот и всё.

Чёрт меня дёрнул прикасаться к Юльке. Она и так ненормальная, а после двух Маргарит и того хлеще.

Золушка потянулась за пачкой Vogue, лежащей на стеклянном журнальном столике.

– Будешь сигарету?

– Они женские.

– Чё?

– Ладно, давай.

Она чиркнула золотой зажигалкой, но та наотрез отказалась давать пламя.

– Бл... ть. И за это г... но с людей сдирают деньги. – Золушка раздражённо швырнула STDupont обратно на столешницу.

– Скажи папе, чтоб внимательнее выбирал подарки для своей непутёвой дочери. – Вампир гоготнул и привстал, прикуривая от свечи.

– Это не папин подарок, а Андерса. – Золушка демонстративно надула губы и сломала сигарету. – И кто тебе сказал, что я непутёвая?

– Ладно, не обижайся. – Он сменил тон на примирительный, выуживая из пачки новую. Также зажёл от пламени свечи и протянул собеседнице. – Угощайся.

– Спасибо. – Золушка взяла сигарету и, решив больше не обижаться, просветлела, словно готовая примерить хрустальную туфельку.

Оба с видимым наслаждением затянулись.

– Слушай, а кто этот Андерс? – вампир шурился от дыма, всматриваясь в лицо подруги. Несколько секунд Золушка смотрела в сторону, на другую веселящуюся кампанию.

– А зачем тебе? – она кокетливо стряхнула ещё не успевший нагореть пепел.

Вампир пожал плечами.

– Ну просто... – И добавил, придавая вес сказанному. – Чес слово.

Золушка блеснула сильно подведёнными глазами.

– Честное пионерское?

– Ты стебёшься надо мной? – Он протянул руку к полупустой бутылке Don Carranza Blanco, но, не дотянувшись, остановился на графине с малиновым компотом. – Ты хоть знаешь, что такое пионерия?

Откуда ей, пробке, знать? Родившейся при Путине...

Она энергично кивнула головой.

– Знаю! – В ответе прозвучал вызов. – Это... Артек и пионерские галстуки!

Вампир хотел что-то сказать, но его перебили.

– А ещё пионервожатые, костры и...

– И?

– Ну, в общем, достаточно.

Вампир кивнул.

– Ладно, достаточно. Так кто такой Андерс?

– Мой... – Золушка замялась, раздумывая, стоит ли говорить.

Конечно, можно сказать. Ничего особенного, какой-то тайны здесь нет. Но женское кокетство заставило её взять паузу, что собеседником расценилось как попытка набить себе цену.

Вампира уже распирало любопытство.

– Друг?

– Мы встречаемся, – сдалась девушка.

– А, ну ясно. Жених, значит.

Золушка сделала глубокую затяжку.

- Типа того.
- Давно вы вместе? – Не унимался он.
- Жень, ты такой любопытный.

На самом деле было лестно делиться тем, что в неё влюблен мужчина. Тем более, иностранец. Впрочем, в том, что между ними Любовь с большой буквы, уверенности не было. Но, поскольку такие мысли портили настроение, Золушка предпочла раз и навсегда закрыть для себя эту тему. *Между нами всё по-настоящему.*

Вампир большим глотком осушил стакан и громко поставил на стол.

– Вкусный компот. Сто лет не пил такого. Не хочешь, не отвечай.

Она перевела взгляд на пустой стакан.

– Андерс живёт в Швеции. Мы встречались два раза минувшим летом. Он приезжал сюда по делам. А так общаемся по скайпу.

– Коммерс?

– Да. – Золушка поморщилась. – Только мне не нравится это слово.

– А лет сколько ему?

– Тридцать шесть. Но выглядит моложе.

Оба прекрасно поняли, что последняя фраза выглядит неуклюжей попыткой отстраниться от пришедшего на ум словосочетания «неравный брак». Или брак по расчёту.

– Всё равно он в два раза тебя старше.

– И что? – Она начала защищаться.

Вампир понял, что благоразумнее съехать с темы.

– Какой бизнес у него?

– Строительный.

– Аа, ну ясно. Значит, работает с твоим папой.

Золушка округлила глаза.

– Как ты догадался?

– Никак. – Он смял недокуренную сигарету в пепельнице. – Просто предположил. Но ты в амурных делах будь с этим шведом поосторожнее.

Она снова уставилась на него враждебно-удивлённо.

– В смысле?

– Скандинавская ювенальная юстиция – пренеприятнейшая вещь. Для нас, русских.

Вампир замолчал и покрутил головой. Пресли, кажется, вырубился. Неподвижно сидит, неестественно запрокинув голову назад, на спинку дивана. Светильник Джека, помаргивая спрятанной внутри лампой, покоится меж широко расставленных ног. Влад продолжает стоять у окна, повернувшись к находившимся в гостиной спиной. Юльки-ведьмы нигде не видно. Вурдалак-Коля снова уединился с Королевой-Альфией за импровизированной ширмой, сооружённой специально для празднования Хэллоуина и отгораживающей небольшую часть гостиной от остального пространства. Оборотень-Дима и фея-Кристина, судя по доносящимся стонам, составляют компанию первой паре.

Вот Человек-скелет

как его там... блин... не помню имя... Гоша... Гена... Гном... а, ладно

взял пульт медиacentра, и Сектор Газа сменила слащавая англоязычная попса.

Вот урод!

Вампир обернулся к Золушке, намереваясь пожаловаться. Но той уже не было рядом. Он удивлённо проморгался.

Ээ, Золуш... Катюха, ты куда испарилась?

Человек-скелет продолжал ковыряться в пульте дистанционного управления. Давление децибел на слух возрастало.

Ветер за окном тоже усиливался. Верхушкам деревьев оставалось лишь безвольно качаться под его могучим напором.

Как расчёской по волосам. Расчёска-ветер, волосы-деревья.

От неожиданно пришедшего на ум сравнения Влад улыбнулся. Впервые за этот вечер. Потому что было скучно и неинтересно. Сейчас как раз наступало время выдавливания пьяных понтов. Время соревнований длины ногтей и пипинок, размеров яиц и величины отстёгиваемых родителями сумм на обучение отпрысков. Ну, можно ещё рисануться эксклюзивным дизайном литых дисков дорогих авто, припаркованных под окнами особняка его отца.

Кому вообще нужен этот грёбаный Хэллоуин? Вообще, это идея Жанны. И зачем я её послушал? Теперь дом отмывать от этих придурков. Кстати, надо бы Юльку найти. Чёт странная она. Кокса в доме нет, так что этот вариант исключён.

Может, белочку поймала?

Чьи-то руки легли на плечи. Около уха раздался знакомый томный шёпот.

Женя-вампир мутным взглядом смотрел, как Жанна-чёрная кошка медленно поднимается и грациозно, повиливая хвостом, направляется в сторону Влада.

Меня накрывает. Странный компот. Ещё минута, и отъеду...

Последнее, что предстало перед его взглядом, был нетронутый пирог с яблоками.

– Влад, хочешь, уедем отсюда? Забуримся в клуб или просто снимем номер. Или ко мне. Или вообще на набережную, погуляем под дождём?

Он не ответил, словно всецело занятый созерцанием городского пейзажа. И девушка вдруг почувствовала сильное желание прижаться к нему. В этот момент по величавой фигуре Влада-Мефистофеля пробежала дрожь, и он медленно, словно зомби, повернулся к ней лицом.

Музыка заиграла на полную мощь и человек-скелет довольно отшвырнул пульт в сторону. Воздух перестал втягиваться в лёгкие, и вместо этого тяжёлыми каплями конденсата скатывался с деревянной отделки стен на пол, образуя лужицы. Время и пространство неестественно изогнулись и переплелись.

Чёрная кошка взглянула в лицо Мефистофеля, вздрогнула от неожиданности и на мгновение замерла, от ужаса потеряв дар речи.

Кто это?! Что это?!!!

Стоящий перед ней ослабил, обнажая жёлтые зубы. Пахнуло едким зловонием.

Жанна пронзительно закричала.

Ибо пред ней предстал не Влад, и не Мефистофель. По крайней мере не такой, каким его обычно изображают. По полуразложившемуся щекам незнакомца стекали свежие глазные яблоки, а в пустых глазницах чернела пустота. Остатки плоти лоскутами обрамляли череп. Руки с длинными когтями потянулись к девушке.

Это не костюм! Влад, о Боже...

Через мгновение кошка отпрыгнула назад. Но незнакомец успел ухватиться за длинный хвост. Жанна упала, с остервенением пытаясь вырваться из цепких неумолимых рук.

Живой мертвец...

Живой труп хмыкнул, неторопливо наматывая хвост на руку и притягивая его обладательницу всё ближе и ближе. Чёрная кошка, ломая ногти, безуспешно пыталась зацепиться

за паркет. А за спиной раздавалось мерное сопение, распространяющее ледяной холод и запах смерти. Ещё немного, и ей конец. Чудовище схватит её за ногу и разорвёт на две части... Раздался громкий хруст, заглушивший музыку. Сначала кошка подумала, что незнакомец сломал ей позвоночник, но по появившейся в теле лёгкости сообразила, что избавилась от удерживающего на месте хвоста. Мгновенно вскочив на ноги, девушка бросилась наутёк по направлению к коридору. Существо зарычало и недовольно оскалилось, разжимая ладонь и сбрасывая кусок материи на паркет.

На бегу Жанна боковым зрением обратила внимание, что все находившиеся в гостиной замерли, словно восковые фигуры в музее. *Музее ужасов.*

Или это время остановилось.

Преодолев коридор и почти достигнув лестницы, ведущей на первый этаж, кошка затормозила и остановилась. Сердце сжалось в предчувствии беды. Прямо перед ней материализовалась Юлька-ведьма. Вернее, то, что от неё осталось. О том, что полуразложившийся труп когда-то был её одноклассницей, говорило лишь платье ведьмы, уже изрядно разодранное, да рыжие волосы, теперь больше напоминающие паклю. Один глаз оставался целым и вращался, оценивающе разглядывая кошку. Та зашипела, попятившись назад. Ведьма с булькающим звуком раскрыла пасть, вываливая пригоршни червей, и перешла в наступление. Из гостиной слышались крики, топот ног и шум борьбы. Запахло горелым. Потом всё стихло. Лишь звук приближающихся шаркающих шагов резал слух и бил по натянутым нервам. Жанна затравленно озиралась, ища возможность к спасению.

Топот ног приближался. Ощущение безвыходности от того, что её сжимают с обеих сторон, холодило и убивало надежду. Она прижалась спиной к стене. Чуть выше уровня головы, в резном настенном подсвечнике, горели свечи. Их пламя потрескивало и подрагивало в темноте, придавая и без того отвратительному живому трупу совсем омерзительный вид. Внезапно кошку озарило. Стянув с креплений увесистый металлический подсвечник и выждав, когда мертвец приблизится, изо всех сил швырнула канделябр в ведьму. Затем, изо всех сил оттолкнувшись от стены в сторону противоположной, прошмыгнула мимо шатающейся с растопыренными руками нежити и полетела вниз по лестнице, перепрыгивая через несколько мраморных ступеней. На середине последнего пролёта поскользнулась и упала, больно ударившись головой. Из носа хлынула кровь. В одном ухе звенело, второй же предательски отказался воспринимать звуки.

Кажется, я оглохла на левое ухо. Какая жалость.

Жанна проморгалась, приходя в себя. Сверху спускались живые трупы в одеждах Мефистофеля и ведьмы. Трупы людей, совсем недавно бывших его возлюбленным и подругой.

Какая жалость, Жанна.

Размазав хлещущую из носа кровь рукавом, она нашла в себе силы подняться и заковылять к выходу. В глазах рябило от чёрно-белой, в шахматную доску, с золотым орнаментом по краям ковровой дорожки.

Пять метров, четыре, три, два, один...

Девушка ухватилась за ручку и навалилась всем весом на массивную деревянную дверь. Но та распахнулась неожиданно легко, как если бы одновременно потянули с обратной стороны. Не удержав равновесия, Жанна беспомощно растянулась на пороге. Разбитое лицо опух-

нула ворвавшаяся в дом осень. В голове снова зазвенело. Нестерпимо заныло ушибленное колено. Первое, что она увидела, открыв глаза, были знакомые туфли. Туфли Элвиса Пресли.

Он... оно поджидало меня.

Стиснув зубы, кошка подняла голову. Однако то, что предстало перед взором, оказалось совсем не похоже на живого человека. *Это* вообще не являлось человеком. Мефистофель с ведьмой подошли и обступили неудачливую беглянку, перепачканную в собственной крови. Тем временем Элвис захихикал и поставил ногу ей на шею. Попытка извернуться, чтобы ещё раз посмотреть в его лицо, оказалась безуспешной.

Время остановилось.

Последнее, что Жанна услышала, был протяжный звук «буу» и хруст собственных шейных позвонков.

Пролог. Afterparty

В 02:21 на телефон диспетчера системы обеспечения вызова экстренных оперативных служб 112 поступил звонок о пожаре. Горел дом на Рублевском шоссе.

Дежурная следственно-оперативная группа приехала на место чп через пятнадцать минут после прибытия пожарных расчётов.

Следователь, капитан полиции Марченко, зябко поёжился и поднял воротник куртки. Пасмурное первоноябрьское утро обещало мало чего хорошего. Ещё оно предвещало скорый холодный дождь. Порывы стылого ветра то тут, то там поднимали рои опавших листьев. Над остатками некогда величественно строения, словно стая ворон над бездыханным телом, вздымался едкий черный дым. Теперь руины ожидает снос при помощи манипулятора.

– Чёртов дом сгорел быстрее, чем мы успели потушить, – голос прозвучал устало и отрешённо.

Марченко посмотрел на подошедшего, седовласого невысокого мужчину лет пятидесяти.

Тот достал пачку «Петра» и предложил угостить сигаретой, но Марченко отрицательно покачал головой.

– Михаил Васильевич. – Мужчина протянул руку для рукопожатия. – Я тут главный среди пожарных.

– Александр Дмитриевич Марченко, следователь. – Марченко пожал руку собеседника, неожиданно оказавшуюся довольно крепкой. – Выходит, так сказать, дом сам себя потушил. Помог вам.

– За двадцать пять лет службы такое вижу впервые. – Михаил Васильевич глубоко затянулся и на мгновение задержал дыхание, успокаивая нервы. Затем шумно выдохнул. – Много чего повидал, но такое...

Марченко нахмурился.

– Считаете, что дом подожгли умышленно?

Пожарный задумался. Ситуация не из рядовых.

– Похоже на то. Но даже если предположить, что подпаливали одновременно в разных местах, то даже так всё произошло слишком стремительно. Словно и стены заранее пропитали легковоспламеняющейся жидкостью.

Осторожно, стараясь не обжечься там, где было ещё горячо, и обходя лужи воды с пеной, оставленные пожарными расчётами, Марченко пробирался среди дымящихся развалин. Его не остановили ни запрет Михаила Васильевича, опасавшегося обрушения перекрытий, ни собственное чувство самосохранения, настойчиво шепчущее воздержаться от прогулки по свежесгоревшему особняку. Профессиональная интуиция же толкала вперёд.

Пожарные, облачённые в боевую одежду, тем временем деловито сворачивали рукава. Поодаль застыли несколько карет скорой помощи с включенными проблесковыми маячками. Медики сбились в кучку и курили, перетаптываясь с ноги на ногу.

Спасать здесь разве что души.

Марченко ухмыльнулся невесёлой мысли и тут же оступился на обломке кирпича, вывихнув щиколотку.

Бл... ть! Этого только не хватало...

Осторожно потёр ноющее место и, прихрамывая, двинулся дальше. По обеим сторонам залитой грязью аллеи располагался розарий, теперь уже полурастоптанный. Ещё дальше – фонтан с ярусной подачей воды. Некогда прекрасный, сейчас перепачканный сажей и копотью. А всё ещё торчащие из чаши водозаборные шланги пожарных машин делали несчастный фонтан больше похожим на гигантскую медузу. Крупные капли пота заливали глаза, мешая смотреть. От исходящей от пепелища жары Марченко давно и безальтернативно вспотел, однако снять куртку не решился. Мало ли что, лишний слой одежды может защитить при контакте с горячей поверхностью.

Из развалин то и дело доносилось приглушённое шипение и какое-то странное уханье, напоминавшее голос совы и бросавшее в дрожь.

Дойдя до большой лужи, полицейский остановился. Ему вдруг захотелось всё бросить и написать рапорт об увольнении. *Пока не поздно.* Впереди раскрытой пастью зияла чёрная дыра, ранее служившая главным входом в особняк. На пороге лежало обгоревшее тело, предположительно принадлежащее женщине. Немного помедлив, он перешагнул через лужу и приблизился. Носовой платок хоть и защищал от остатков перегретого пара и неприятного запаха, но не сильно.

Марченко склонился над обугленными останками и инстинктивно перекрестился. Не то, чтобы он глубоко верующий. Скорее, нет. То есть, когда как. *Когда припрёт...*

Руки жертвы вскинуты к голове, словно та пыталась защитить лицо от огня. Длинные волосы. Вернее, то, что от них осталось. Одежда – судя по всему, карнавальный костюм женщины-кошки.

Вчера было 31 октября...

– Александр Дмитриевич, наденьте хотя бы каску!

Присутствие ещё одного живого человека разбавляло печальную картину и радовало. Однако следователь отмахнулся от семенящего к нему молодого оперуполномоченного Гены Трумана, добродушного здоровяка ростом под два метра.

– Спасибо, Гена. Лучше бы раздел какого-нибудь пожарника моей комплекции и притаранил евошный костюм. Толку было бы гораздо больше.

– Всё шуточки шутите, товарищ капитан, – Гена обиженно надул щёки и опустил протянутую руку с защитной каской.

– Нет, на самом деле, смотри сколько их теперь без дела шлындает? Отвёл в сторонку одного, прессанул и раздел. – Марченко подмигнул раздосадованному Гене и повернулся, намереваясь войти в дом.

В подобные острые моменты всегда просыпается неуместное желание юморить. Как реакция организма на стресс.

Однако Гена повертел каской и решительно нахлобучил на голову.

– Я с вами, Сан Дмитрич, – заявил он безапелляционным тоном.

Марченко замер.

– У тебя ещё нет жены и детей, Гена. Поэтому твоей драгоценной жизнью рисковать не будем. Ступай, работай с хозяевами и очевидцами.

– Но... – тот был явно недоволен таким поворотом событий, но Марченко перебил:

– Это приказ.

Затем театрально набрал полные лёгкие воздуха и, закрыв нос рукой, шагнул за порог.

За спиной раздалось недовольное бурчание:

– У вас тоже нет семьи и детей, Сан Дмитрич.

Внутри царил полумрак от продуктов горения, разбавляемый светом, пробивающимся через большие оконные проёмы. Неожиданно пришедшая в голову мысль заставила вздрогнуть:

Дом меня пригласил.

И правда, при таких пожарах строения остывают по несколько дней. Не то, чтобы зайти, а вообще приблизиться невозможно. Остатки некогда роскошной обстановки хрустели и мешались под ногами. Вспомнив предостережение Михаила Васильевича, Марченко внимательно осмотрел потолочное перекрытие. Почерневшее, оно выглядело крепким и ничем не выказывало готовность обрушиться на голову. Тем не менее, начали одолевать неприятные мысли.

Гена прав. У меня нет жены и детей. Нет наследников. А что, если я отсюда живым уже не...

В свои двадцать семь он так и не создал «ячейку общества». Хотя многие коллеги уже женаты и имеют двоих, а то и троих детей.

Работа отнимает много времени? Да, это правда. Я люблю свою работу. Хотя некоторые говорят, что работу следователя любить невозможно. И уделяю ей слишком много времени за пределами рабочего дня. Почему? Ну просто не всегда успеваю... а, чёрт. На самом деле это не более чем попытка убежать от самого себя, от боли прошлого.

В недрах потолка громко хрустнуло, отчего волосы на голове зашевелились.

А захочет ли дом выпустить?

Марченко чуть ли не физическим усилием отстранился от липких щупальцев страха и сделал ещё шаг... и замер, внимательно разглядывая предмет, лежащий под ногами. Тускло поблёскивавший в немощном свете окна, он явно диссонировал с окружающей обстановкой. Полицейский склонился над находкой, вытащил телефон и сделал несколько снимков. Затем, через платок, чтобы не оставлять отпечатков, поднял вещдок и внимательно рассмотрел.

Им оказался небольшой золотой кулон на цепочке из аналогичного благородного металла. Последняя разорвана, половинки покачиваются в такт колебаниям ладони. В остальном украшение не пострадало.

Весьма странно. Словно ювелирку подбросили минуту назад...

Чья-то тень проскользнула совсем рядом. Рука автоматически потянулась к кобуре, но взгляд успел зафиксировать отсутствие посторонних.

Показалось.

Повинуясь инстинкту самосохранения, кисть ещё несколько секунд лежала на рукояти табельного «макарова», а тело находилось в готовности отреагировать на любое нападение.

Но никого поблизости не было. *Во всяком случае, живого.* В едкой атмосфере помещения стоял лишь шёпот поверженного пожара.

Кулон выглядел странно и даже зловеще. Чего-либо подобного Марченко прежде не видел.

Змея держит в широко раскрытой пасти солнце.

Мастерски выполненный, с филигранной, прецизионной точностью, делающей и тварь, и небесное светило почти живыми.

Сейчас она его проглотит...

Кулон следовало вернуть на место. Строго говоря, полицейский вообще не имел права к нему прикасаться без присутствия понятых. Но кто же их пустит в этот, представляющий опасность, дом? Да никто в здравом уме сюда не пойдёт. Разве что Марченко... да и тот уже начал жалеть о содеянном.

Нахрена я сюда пошёл?

Пот застил глаза. Куртка, которую можно уже выжимать, противно прилипла к телу. Кобура с «макаровым» нагрелась и казалось, что вот-вот, и расплавленный металл потечёт в карман брюк. Это хорошо, если только в карман...

Впереди, чуть поодаль, лежало что-то бесформенное. Черный, обгоревшего цвета, предмет сильно напоминал ещё одну жертву случившегося.

Золушка, мать её...

Наверняка его тут бы и стошнило, но увиденное заставило мгновенно обо всём забыть. Ещё не веря своим глазам, Марченко проморгался. Однако обстановка, расплывающаяся в едком задымлённом воздухе, не изменилась. Обойдя труп Золушки, он снова потянулся за телефоном. На шее останков девушки покоился точно такой же золотой кулон, увиденный ранее: змея схватила солнце и готова его проглотить.

Прям как «Краденое солнце» Чуковского.

По телу пробежал холодок.

Сверху послышался приглушённый свист. Полицейский напрягся, пытаясь определить его природу. Нахлынуло ощущение незащитности и одиночества в враждебном мире огромного особняка.

Я – Иона во чреве китовом.

Странный звук не прекращался. В нём постепенно различались членораздельные звуки, напоминающие человеческую речь. Внешняя мёртвость дома оказалась всего лишь ширмой. Медленно, стараясь издавать как меньше шума, Марченко двинулся к широкой лестнице, ведущей на второй этаж. Но куски штукатурки, полусгоревшие куски дерева и разбитое стекло предательски хрустели на мраморе под ногами.

Первая ступенька, вторая, третья...

Спасите... спасите меня...

Теперь шёпот звучал совершенно явственно.

Спасите... мне холодно...

Марченко вытащил оружие и дослал патрон в патронник.

Четвёртая, пятая, шестая...

Холодно...

Дрожащей рукой взвел курок и снял «макаров» с предохранителя.

Шшшшшшш...

Словам вторил звук трескающегося бетона и деформируемого металла.

По мёртвому телу дома пробежали послесмертные судороги.

– Эй, есть кто живой?

И не узнал собственного голоса. Вместо ясного вопроса вышел булькающий хрип.

– Эй, здесь есть живые? Это полиция! – На сей раз получилось гораздо лучше.

Но в ответ установилась гробовая тишина. Даже странный шёпот пропал. Преодолев второй лестничный пролёт, Марченко поднялся на второй этаж. И обомлел, опуская пистолет.

В следующее мгновение откуда-то из недр организма накатила волна тошноты, и он перегнулся через чудом уцелевшие перила, опустошая желудок. На площадке и простиравшемся далее коридоре лежали несколько тел в ещё дымящихся одеждах. Мозг автоматически принялся анализировать обстановку в попытке воссоздания картины произошедшего.

Фиона, вурдалак, оборотень, фея...

На шее у всех – уже знакомые кулоны.

Позы тел предполагают борьбу. С пожаром или с...

Череп одного из тел, ведьмы, с одной стороны сильно повреждён.

Неподалёку валялся металлический подсвечник. Оказавшийся довольно увесистым, он был сильно погнут с одной стороны. Причем характер повреждения вызван, скорее ударом, нежели соприкосновением с открытым огнём или просто падением с высоты.

Марченко приложил его к повреждённой части черепа ведьмы.

Окончательное слово за экспертом, но по мне, так канделябр погнули о голову именно этой дамы.

И на всякий случай сделал снимок.

По мере продвижения по коридору ничего интересного не встретилось. Вот чадаящая библиотека: груды бумажного пепла вздымаются ветром и гуляют меж углей полок. В углу нестрогаемый шкаф с отслоившейся краской. Заперт. Дальше рабочий кабинет: около окна застыла большая столешница на подломившихся ножках. Рядом остов упавшей лампы с рассыпанными вокруг осколками зелёного абажура.

Когда-то подобные лампы были в почёте, а сейчас это винтаж.

Некогда строгая обстановка оказалась бессильной перед всепожирающей властью огня.

Следующая комната в прошлой жизни являлась санузлом. Или, точнее, шикарным джакузи: прямо посередине помещения висится почерневшая и потрескавшаяся огромная гидромассажная ванна. Плитка на стенах изображает резвящихся в морских волнах дельфинов.

Странное дело, то ли воздух в доме очистился, или Марченко, надышавшись, привык к гари, но когда он убрал платок от лица, то с удовлетворением обнаружил, что вполне может обходиться без сковывающего движения куска материи.

Но пахло всё равно не айс.

Последний дверной проём оказался самым большим и, судя по всему, скрывал гостиную. Полусгоревшие двойные двери перегораживали вход, поэтому мешающие обломки пришлось пнуть ногой. Взору открылась интересная картина. Скорее всего, именно здесь находился эпицентр вечеринки. Повсюду валялась разбитая посуда вперемешку с остатками роскошной мебели. И тела. Наличие на каждом золотого кулона теперь не удивляло.

Это не совпадение, а нить закономерности.

Марченко потянулся за телефоном и принялся за мрачный фотосет, запечатлевая каждого погибшего.

Закончив со снимками, полицейский приблизился к стоящему в углу странному изваянию – женщине, облачённой в старинную одежду и прикрывающей лицо руками.

Не смогла вынести зрелища, здесь творящегося?

Грязно-чёрного цвета, вся в копоти, фигура, тем не менее, приковывала взгляд и источала харизму. Если так можно выразиться. Вместе с постаментом немного выше самого Марченко, рост которого составлял 185 сантиметров.

На пьедестале едва различимая надпись, ставшая читабельной после оттирания платком: Ferrabezzo, 1924

Слово – фамилия скульптора. Вероятно, итальянца. 1924 – год создания.

Щёлк. Карточка статуи отправилась на microSD карту памяти телефона, в компанию гостей вечеринки.

В какой-то момент мозг, перегруженный большим объёмом неподдающейся логическому объяснению информации, перестал сопротивляться и сдался. На место пульсирующего адреналина и возбуждения явились оцепенение с жаждой. Сильно хотелось пить. Очень сильно. Марченко уже потерял счёт времени, прошедшего с момента, когда он ступил за порог. Одежда – сырая от пота. Телефон в руке – обжигающе горячий.

Пора отсюда валить. Иначе снова стоинит... Или сойду с ума... свихнусь и превращусь... в этого... одного из них, с кулоном на шее.

Он вяло помахал рукой на прощание изваянию

Пока, крошка!

и уже в дверях остановился, решив напоследок окинуть гостиную финальным взглядом, как

Нихрена себе! Как ЭТО я не заметил?

Неестественность зрелища выпирала наружу и почти кричала, но затуманенное внимание отравленного испарениями организма перестало реагировать на окружающую обстановку.

В кирпичную кладку наполовину вогнан кинжал с чёрной рукояткой.

Марченко напряг слабеющий мозг, пытаясь осознать увиденное.

Человек инстинктивно всаживает нож на уровне глаз. Значит тот, кто это сделал, примерно одного со мной роста.

Взявшись за рукоять через вконец измученный носовой платок, сжал кисть покрепче и... ничего. Как и следовало ожидать, кинжал не сдвинулся ни на йоту.

Кто бы мог это сделать? Причем, судя по входному отверстию в стене, с первого удара!

Скорее из любопытства, осторожно прикоснулся к обоюдоострому лезвию двумя пальцами, и тотчас на обоих выступила кровь.

Немыслимая заточка!

Особняк снова вздрогнул и затрещал по швам.

Желание жить давно перестало толкать к выходу, и, невозмутимо слизнув кровь, в зомбо-состоянии полицейский, в который уж раз, полез в карман за трубой. Но сделать снимок не получилось: проиграв прощальную мелодию, телефон впал в анабиоз.

Чёрт!

Ругнувшись с досады, Марченко швырнул платок на пол и направился к выходу.

Холодный ноябрьский ветер с шумом ворвался в измученные анти-воздухом лёгкие и едва не разорвал. Отдышаться, как и надыхаться, никак не получалось. Поэтому он просто опустил на грязную плитку дорожки и, не обращая внимания на дождь, тихо радовался тому, что выбрался целым и невредимым.

Тело у входа успели положить на носилки и благо разумно накрыть.

Окружённый несколькими людьми в штатском, судмедэксперт из группы Марченко выглядел подавленно и даже обескураженно.

Один из «людей в чёрном», широкоплечий мужчина лет сорока, отделился от компании и зашагал в направлении отдыхающего полицейского.

– Александр Дмитриевич?

Марченко, утирая остатки пота с лица, поздоровался.

– Угадали. Ты, значит, у них главный.

– Евгений Васильевич. – И продемонстрировал раскрытое служебное удостоверение Федеральной Службы Безопасности. – Вижу, вы только с парилки.

– Типа того. – Марченко натянуто улыбнулся. После увиденного шутить хотелось меньше всего. Хотелось холодненькой, хрустнуть солёным огурцом и послать всё к едрене фене.

Ещё вас, родимых, гэбэшников здесь не хватало.

– Да, жарковато здесь. Во всех смыслах. – Евгений Васильевич, оглядевшись по сторонам, перешёл на заговорщический тон. – Давайте отойдём в сторонку.

– Я не против. Лишь бы не обратно в особняк, – согласился Марченко.

В этот момент один из фсбшников повернулся к ним.

– Евгений... – однако собеседник Марченко отмахнулся, приказывая оставить обоих в покое.

– Так понимаю, Евгений Васильевич, вы хотите сообщить мне сведения государственной важности? – прервал паузу Марченко, когда они остановились возле сиротливо выглядывшей беседки. Он уже чувствовал, что появление группы одинаково одетых мужчин с холодным умом и горячим сердцем внесёт коррективы в расследование. И даже догадывался, какие именно.

От Евгения Васильевича не ускользнул сарказм в голосе собеседника. Однако чекист лишь скривил губы и снова обрёл невозмутимое выражение лица.

– Совершенно верно, Александр Дмитриевич. Вам как руководителю следственной группы я уполномочен сообщить, что данным происшествием будет заниматься Федеральная Служба Безопасности. Сами понимаете, это... скажем так... нерядовой случай возгорания. А также учитывая личность владельца дома... Уже сформирована специализированная оперативная группа... собственно, сейчас вы её и видели.

– Ага. Видел. – Марченко расслабленно смотрел на фруктовый сад, уже абстрагировавшись от ситуации. И молчал.

А что я могу сделать?

Евгений Васильевич сощурился, проследив за его взглядом. Однако ничего интереснее, кроме раскинувшегося впереди фруктового сада и расположенной за ним конюшни, увидеть не мог. Однако почувствовал лёгкое беспокойство из-за непредсказуемого поведения полицейского. Непосредственность того обескураживала. Откуда чекисту знать, что Марченко просто находится в состоянии повышенного желания послать всё и всех на три весёлых буквы.

– Приказ о вашем отстранении от расследования находится...

Но ему не дали закончить:

– Желаю удачи и поскорее поставить в этом деле жирную точку.

Евгений Васильевич несколько секунд наблюдал за удалявшейся спиной следователя, затем спохватился:

– Александр Дмитриевич!

Тот остановился и обернулся к спешившему фсбшнику.

– Александр Дмитриевич, совсем забыл... а что вы увидели в доме?

Но напускное безразличие прозвучало излишне фальшиво.

Марченко внутренне напрягся, однако внешне оставался спокойным и невозмутимым.

Вот козёл. Как-будто что-то знает.

– Да много чего. – Он пожал плечами. – Руины, угли, пепел.

Евгений Васильевич, однако, не сводил пытливого взгляда.

– И всё?

– Всё. Дальше входа пройти не удалось. – И добавил, как само собой разумеющееся. – Слишком жарко и опасно.

По лицу чекиста проскользнула тень разочарования.

– Ну чтож... в таком случае не смею вас задерживать. Ах... да, Александр Дмитриевич! – Фсбшник просиял. – Пустая формальность, но всё же... вам нужно написать рапорт.

Марченко напрягся. Собеседник имел странный способ общения «забыл-вспомнил».

– Какой рапорт?

Евгений Васильевич приблизился и слегка наклонился.

– Скажем так: рапорт об увиденном. Всё, замеченное внутри, надо описать. – Он виновато вздохнул. – Я понимаю, мои слова на первый взгляд кажутся пушей бессмыслицей. Но это крайне важно для нас. Ведь вы первый, кто вошёл в дом.

Возражать не имело смысла и Марченко согласился.

– Окей. Сделаем.

Сходите туда и опишите то, что я увидел, сами! Фсбшники, блин...

Евгений Васильевич подождал, пока следователь отойдёт на достаточное расстояние, затем достал телефон и набрал номер.

– Михаил Германович, это Попов. Утро доброе. – Затем спохватился. – Хотя, какое оно доброе.

– Попов, давай ближе к теме. У меня сейчас оперативка. – Голос в трубке явно не был намерен затягивать разговор. – Что у тебя?

Евгений Васильевич недовольно поморщился, одновременно удовлетворённый тем, что непосредственный начальник не имеет возможности его лицезреть.

– Михаил Германович, докладываю. Тут руководитель следственной группы шустрим оказался, и успел побывать в доме Быстровых до нашего приезда. Правда, не совсем понятно, как ему это удалось. Потому что ближе десяти метров к строению подойти невозможно: жар адский!

– Действительно, странно. – Согласился собеседник в трубке. – А ты уверен, что это имело место быть?

– Абсолютно. – Евгений Васильевич нисколько не сомневался. – Сам наблюдал его выходящим из дома.

– Ладно. Допустим. Что он видел? – голос Михаила Германовича резко посуровел.

– Утверждает, что ровным счётом ничего. – Продолжил Евгений Васильевич. – Мол, было слишком жарко и ему пришлось вернуться.

– Это хорошая новость, – напряжение в голосе Михаила Германовича быстро спало.

– Но... – Евгений Васильевич замялся, не желая продолжать. Однако понимал, что молчать не имеет права.

– Что «но»? – Собеседник рявкнул привычным тоном. – Попов, не тяни кота за хвост. Ты же знаешь, что я этого не люблю!

Евгений Васильевич вздохнул и продолжил:

– Со слов членов группы, например, судмедэксперта, этот опер пробыл в доме не менее получаса.

– Я понял, к чему ты клонишь. – Михаил Германович явно раздосадовался. – Надеюсь, он уже отстранён?

– Разумеется. – Поспешил ответить Евгений Васильевич, зябко поёжившись и поднимая воротник плаща. – И напишет рапорт.

– Хорошо. Тела кто-то видел?

– Только одно тело, у входа. Пока не опознано. И его успел обследовать судмедэксперт. Но мы с ним обязательно проведём профилактическую беседу, – заверил Евгений Васильевич.

– Вы уж проведите, проведите. И с опером пообщайтесь. Чтоб не болтал лишнего. Я на вас надеюсь.

– Всё будет в порядке, Михаил Германович. Если понадобится, мы их отправим по состоянию здоровья на заслуженный отдых.

Евгений Васильевич нажал на кнопку выключения разговора и ещё несколько секунд задумчиво смотрел вперёд, казалось, не замечая ничего вокруг. Капли дождя, словно слёзы, стекали по чисто бритым щекам.

Марченко, проходя мимо судмедэксперта, немного замедлил шаг.

Сказать об отстранении или нет? А, чёрт...

– Сань.

Сначала полицейскому показалось, что ослышался: настолько тихо прозвучал голос. Почти шёпотом. Он вопросительно посмотрел на медика.

– Валер, ты чё?

Однако тот знаком попросил тишины и продолжил, ещё сильнее убавив тон:

– Сань, сделай вид, что завязываешь шнурок. И, Бога ради, не смотри на меня.

Марченко повиновался.

– Чё случилось? – и сам перешёл на шёпот.

– Слушай, тут такое дело, – судмедэксперт отвернулся и явно не находил себе места, – не знаю, с чего начать.

– Начни с начала. – Процедил сквозь зубы Марченко, понимая, что сидеть и делать вид, будто завязываешь шнурок, до бесконечности невозможно. Скоро это привлечёт внимание. – У тебя десять секунд!

– То, что скажу, не лезет ни в какие ворота, Сань. – Медик облизнул пересохшие губы. – Ты считаешь меня идиотом.

Дрожащий, растерянный голос и вправду говорил, что стряслось нечто неординарное.

– Я посчитаю тебя идиотом, – зашипел Марченко, – если ты и дальше продолжишь держать меня в этой позе.

– Меня убедительно попросили держать язык за зубами... – Судмедэксперт мельком глянул в сторону людей в штатском. Всецело занятые собой, те не обращали на них внимания. – Ты понимаешь, если что, буду отрицать всё, что сейчас тебе сказал?

Марченко начал терять терпение.

– Валера, я не идиот и всё прекрасно понимаю!

Не тяни резину, Айболит.

– Ладно! – Выпалил, собравшись с духом, медик. – Готов поклясться дипломом, что молодая женщина, тело которой обнаружено у входа, умерла как минимум за три месяца до того, как сгорела!

Пролог. О`кей, Google

Ключ заело в скважине. Марченко, чертыхнувшись, сбросил с плеча тяжёлую сумку и принялся корпеть над замком. И после нескольких безуспешных попыток неудача отошла в сторону. Но, только переступив порог, сразу досадливо вспомнил, что забыл купить хлеб.

Теперь понятно, почему дверь так долго сопротивлялась.

Ладно, перебыюсь как-нибудь. Сегодня был трудный день.

Ни сил, ни желания идти в магазин не было. Даже на чувство голода наплевать. Впрочем, оказавшись в пустой стылой квартире, он снова почувствовал тоскливое желание поскорее отсюда срулить. Неважно, куда. Лишь бы к живым, доброжелательно настроенным, людям.

И действительно, как подорвался среди ночи на пожар элитного особняка, оказавшегося полным сюрпризов, так только сейчас, спустя без малого сутки, удалось приковылять домой.

Наша служба и опасна, и трудна. Бл... ть. Может, написать рапорт по собственному?
Хорошо, хоть на сегодня отгул дали. И то, не факт, что не вызовут по неотложке.

Надо срочно спрятать фотографии!

Из отделения полиции Марченко поехал в «гости» к Евгению Васильевичу, напрямик в Следственное управление.

Тот, недаром что фсбшник, залез полицейскому на шею и не слезал полдня.

Вместо того, блин, чтобы выполнять свою работу на месте происшествия.

Евгений Васильевич внимательно ознакомился с копией рапорта и долго разговаривал с Марченко. По теме и нет. Но больше не по теме. Однако тот прекрасно понимал, что из его слов чекист лепит мозаику, картину того, что видел и знает полицейский. Ведь именно так, задавая собеседнику ничего не значащие на первый взгляд вопросы, и постепенно «сжимая вокруг него кольцо», можно выудить из человека всю нужную информацию.

Причём бедолага этого даже не поймёт.

Главное – уметь читать между строк. То есть мыслить интуитивно логически.

– Можно взглянуть на ваш телефон? – неожиданно попросил хозяин кабинета.

– Пожалуйста. – Марченко пожал плечами и протянул тому дешёвый китайский мобильник, в котором отсутствовала даже камера.

Чекист удивлённо вскинул брови.

– Смотрю, вы аскет в том, что касается современных гаджетов.

Идиот. Я просто вставил сим-карту в другой девайс, потому что в первом сдох аккумулятор.

– Главное – звонит. – Отмахнулся полицейский. – И ладно.

– Он у вас единственный? – Полюбопытствовал фсбшник. – Или есть ещё?

Напускное дружелюбие хозяина кабинета диссонировало со строгостью одежды и вообще не вводило в заблуждение. Но врать не имело смысла.

– Ещё один имеется, – непринуждённо ответил Марченко.

Второй телефон, хранящий снимки с особняка, потяжелел и оттягивал карман.

Пипец, попадалово. В кармане двадцать карточек компромата. Надо было оставить эту трубу в сейфе кабинета.

Однако следующая мысль отрезвила.

Возьми себя в руки и не раскисай.

Евгений Васильевич подошёл к окну и тоскливо посмотрел на продрогшую улицу.

– А как он называется, если вам нетрудно вспомнить?

Марченко ощутил, как сильно напряжён. И выдохнул, расслабляя тело.

– Самсунгом его родители нарекли.

Чекист перестал лицезреть сбегающие по стеклу капли дождя и улыбнулся неожиданно широко.

– Вижу, с чувством юмора у вас полный порядок – это главное в нашем деле. А название модели какое?

– Гелекси, – машинально ответил полицейский, занятый мыслями о том, что именно хотел сказать собеседник обобщающим словом «нашем».

Евгений Васильевич хотел было что-то сказать, но передумал и лишь кивнул головой.

– Хорошо. Я понял.

Марченко закусил нижнюю губу.

Ты сейчас подумал о том, что я соврал, когда сказал, что для меня главное – лишь бы телефон звонил.

После нескольких часов непринуждённого общения с перерывами на кофе, хозяин кабинета с дежурной улыбкой объявил разговор оконченным, пожал руку Марченко и посоветовал тому оставаться на связи.

Основываясь на собственных ощущениях, Марченко предположил, что Евгений Васильевич оказался разочарован результатом «собеседования». Он вполне мог заподозрить, что полицейский темнит. Однако формального повода придаться к его словам не было...

Дома Марченко первым делом хотел вытащить из телефона sd-карту и спрятать в одноразовой копилке-поросёнке на столе,

Это самое укромное место в квартире

Но передумал, решив сделать это позже.

Побросав одежду в кучу, залез под душ, обуреваемый мыслями о том, что же именно приготовить на ужин.

Может, лучше жениться? Тогда тебя автоматически поджидает вкусная домашняя еда. Ну ладно, не автоматически, а приготовленная нежными заботливыми руками.

Ведь «приготовить» в отношении Марченко означает выбор из двух вариантов: пожарить котлеты или сварить пельмени. Или третий – сгонять в ближайшую кафешку, расположенную неподалёку. Однако сейчас уже поздно, и это заведение давно закрыто.

Душа просила душа. Под упругими струями прохладной воды он почувствовал себя гораздо лучше. И даже покидал пену на потолок, как это делают с маслом в армии, когда начинается стодневка до приказа. Но при мысли о том, что надо есть уже порядком поднадоевшие полуфабрикаты, приуныл.

Эх, жизнь-копейка...

Лампочка освещения холодильника обратилась маяком надежды, а завалившаяся банка пива, моментально оказавшаяся в ладони, вмиг прогнала сплин.

Поставив кастрюлю с водой на плиту, Марченко обнаружил, что пельменей в холодильнике нет.

Кастрюля подвинулась в сторону, а её место заняла сковорода.

Насвистывая популярную мелодию, он открыл так вовремя оказавшееся под рукой пиво и включил компьютер.

Искомое слово настолько сильно врезалось в память, что его даже не пришлось вспоминать.

Ferrabezzo...

Поисковик мгновенно выдал на-гора искомый результат.

Ferrabezzo – псевдоним датского скульптора итальянского происхождения Стефано Галуччо. Родился 21 января 1881 года в Генуе. В 1888 году, в возрасте семи лет, Стефано вместе с родителями и двумя старшими братьями, переехал в Ольборг. Основной период творчества пришёлся на нулевые и десятые годы 20 века. В основном выполнял частные заказы состоятельных клиентов. Главная тема работ – древнегреческая мифология.

Бесследно пропал 31 октября 1924 года.

Марченко сделал большой глоток и почесал лоб.

Хм... И снова эта дата – 31 октября. Холодные воды Лим-фьорда хранят ещё одну тайну.

Среди множества фотографий работ Галуччо искомая статуя упорно не хотела отыскиваться. Высокая женщина, прикрывающая лицо обеими ладонями – довольно странное извращение. Во всяком случае, прежде ничего подобного встречать не приходилось.

Гиперион и Тейя, Океан и Тефида – просматривая творения мастера, Марченко заново для себя открывал великое наследие древних эллинов. После титанов шли олимпийцы: громовержец Зевс, распределяющий на земле добро и зло, с супругой Герой, повелитель морей Посейдон и его вторая половинка Амфитрита. Причём последняя многими почиталась наравне с супругом и ей воздвигались статуи. Например, в храме на острове Тенос.

В честь Амфитриты даже назван астероид, открытый в 1854 году.

Что примечательно, Ferrabezzo приложил руку не только к статуям, но также создавал статуэтки высотой всего 5—10 сантиметров. Причём, как выяснилось, их было большинство.

Далее каталог фото демонстрировал божеств стихий. Впрочем, их было лишь несколько статуэток.

Отдельным рядом шли работы, выполненные на заказ. Упоминались и некоторые клиенты, например, крупные музеи и галереи.

Но нужной статуи среди них тоже не оказалось.

Где ты прячешься?

Марченко допил остатки согревшегося пива и только сейчас вспомнил, что хотел пожарить котлеты. Есть совершенно не хотелось, и, обжигаясь и чертыхаясь, отставил в сторону раскалённую сковородку. А полурастаявшие, превратившиеся в бесформенную массу полуфабрикаты полетели обратно в морозилку.

Надо изменить условия поиска.

В ответ на запрос о созданных Ferrabezzo в 1924 году статуях вылез целый ряд статей и несколько куцых фото. Беглый их осмотр результата не дал: странноватая женщина с поднятыми к лицу руками нигде не фигурировала. Впрочем, неудача не обескураживала. Работа следователя, помимо наличия остальных качеств, предполагает запас терпения и усидчивости.

Где же ты прячешься?

Оставалось одно: сравнивать каждое фото с названием и записывать результаты на... например, на бланке просроченного страхового полиса, оказавшегося под рукой. Благо, скульптур оказалось немного. Всего одиннадцать: Прекрасная Селена с факелом в руке... Электра, безутешно проливающая слёзы на могиле своего убиенного отца Агамемнона... Аид со скипетром: мрачный хитрец, угостивший Персефону зёрнами граната и, в свою очередь, сам обманутый Сизифом... Галуччо был интересен тем, что подходил к работе, как сейчас модно выражаться, креативно. То бишь творчески, незашоренно. Наделял творения чертами совре-

менников. В разумной мере. Поэтому скульптуры выглядели свежо и симпатично. Может, поэтому он никогда не жаловался на отсутствие заказчиков. Последней работой Стефано была Афродита. Богиня любви и красоты в одной руке держала розу, а вторую опустила на складки одеяния. Голова чуть наклонена в сторону, а взгляд...

взгляд направлен куда-то вдаль, в будущее... нет, всё же она смотрит на бутон... нет, скорее...

Марченко поймал себя на том, что восхищённо любуется статуей, поражённый её красотой.

Тут пришло осознание того, что это была *последняя* работа скульптора. В прямом и переносном смысле. А результата нет. Марченко откинулся на стуле и потёр уставшие глаза.

Что-то от меня ускользает... но что именно? Теперь не остаётся ничего другого, кроме как снова, более тщательно и методично пройтись по результатам творчества Ferrabruzzo.

Все названия переписаны, к каждому отыскано подходящее фото, но эта странная статуя... Может, изваяние принадлежит руке другого мастера?

Он поднялся со стула и прошёлся по комнате, разминая затёкшее тело. За окном царствовал вечер первого ноября. Дождь с ветром на некоторое время забыли о своих прямых обязанностях, погода установилась безветренная и спокойная. Прохожие, занятые каждый своим миром, сновали *туда и сюда*. Впрочем, некоторые шли *по диагонали*. Вот девушка с ребёнком подходят к большой луже и замирают на краю. Мамаша настолько озабочена, что не обратила внимание на раскинувшееся перед ними препятствие. Пара секунд у неё ушло на то, чтобы прийти в себя и осознать неизбежность принятия решения касательно лужи.

Быть или не быть... нет, не так! В её случае плыть или не плыть.

Мадам потащила ребёнка в обход.

Умный в лужу не пойдёт. Умный лужу обойдёт.

Малыш не поспевает за поступью мамыши, однако та упорно тянет чадо за ручонку.

Похоже, девушка снова ушла в себя и выключила голову.

Какое-то движение привлекло внимание окружающих. Пожилой мужчина в сером пальто споткнулся и упал. Те, кто находился ближе, мельком бросили взгляд на пенсионера и поспешили сделать вид, что ничего не заметили. Упавший приподнялся. К бедолаге поспешили проходившие поодаль парень с девушкой. Парень помог пенсионеру встать на ноги, а девушка подала вылетевшую из рук сумку и отряхнула пальто...

Спрятавшие эмоции вместе с зонтами, вечно спешащие, каждый занятый своими мыслями... и бесконечно одинокие в людском море. Впрочем, он сам такой. Одиноким молодой волк, не познавший смысла своего существования. Падающий в бездну, но в последний момент уцепившийся за работу как спасительную соломинку. Неспособный впустить женщину в свой мир, и оттого постоянно растворяющий горечь в алкоголе. Марченко отвернулся и оглядел обстановку комнаты.

Если сейчас упаду, то прийти на помощь некому.

А тому старику... просто повезло. Чем больше город, тем меньше тех, кто придёт тебе на помощь.

Сутулая фигура медленно удалялась, превращаясь в точку и становясь всё меньше и меньше.

Марченко же не мог отвести от него взгляда. И старик для него стал словно одиноким маяком в бескрайнем людском море: все остальные прохожие растворились, исчезли в мгно-

вание ока, разбросанные по акватории собственным эгоизмом. Штормит, но люди думают, что погода стихнет сама собой.

Полы пальто, раскачивающиеся в такт неуверенной походке, потемнели от влаги. Старая сумка оттягивает руку. Вот равнодушная девушка отряхивает одежду старика.

Наконец, картинка исчезла, оставшись лишь в памяти.

И тут его словно током прошибло.

Этого не может быть, потому что такое невозможно... Но если стряхнуть грязь и копоть... если её очистить, то... нет! В любом случае, это не-воз-мож-но!

Подбежав к компьютеру, схватил смартфон, на который делал снимки в доме. Приставил к монитору и сравнил два изображения.

Так и есть! Этого не може... разница лишь в деталях! Но если от них абстрагироваться, если не обращать внимание на грязь... Совпадает всё. Форма рук, причёска... даже складки одеяния один в один!

Афродита, последняя работа Стефано Галуччо, и ваяние, обнаруженное в сгоревшем особняке – одна и та же скульптура. Только сначала она держала розу, а потом в ужасе прижала обе руки к лицу.

Глава 1

Колганов с трудом разомкнул склеившиеся, непослушные веки. Сквозь неплотно задёрнутые шторы пробивался яркий солнечный свет. Рука привычно потянулась к тому месту, где на прикроватной тумбочке всегда стоит будильник. Но вместо ожидаемого куска пластика кисть поймала пустоту.

Чёрт!

И тут он сообразил, что проснулся не от звонка, а от шума свалившихся на пол часов.

7:31

Надо вставать. И обязательно принять холодный душ, чтобы прояснить мозги. И пожевать мятных таблеток. Ведь Бергер, главред издания, в котором работал Колганов, не любит, когда с утра сотрудники дышат перегаром и думают не о работе, а о том, что ей мешает. Хотя, по правде говоря, как раз-таки по наличию мятного запаха изо рта главред безошибочно и определит, чем накануне занимался его лучший журналист.

Ведь не впервой же.

Колганов наклонился, протянул руку и водрузил часы на законное место.

Надо их приклеить, чтобы впредь не падали. Нет, прибить гвоздями! Хм... приклеить и прибить гвоздями одновременно! Для надёжности.

Он мысленно улыбнулся собственному юмору и сел на кровати. В голове шумело, но не сказать, чтобы сильно. Мутный взгляд остановился на пустом стакане рядом с часами, отчаянно намекающем на то, что следует заглянуть под кровать. Колганов осторожно пошарил и наткнулся на искомый предмет.

Вот ты где прячешься

Вытащив на свет полупустую бутылку Monnet VS, покрутил её и сделал небольшой глоток прямо из горлышка. Однако наслаждение от напитка прервал невесть откуда взявшийся голос разума.

Остановись! Хватит уже бухать... тем более, с утра. Брр!

Выждав несколько секунд, он проглотил обжигающую жидкость и поставил коньяк рядом со стаканом.

А напиться хотелось. Ну, или хотя бы просто пропустить один-два стаканчика. Чтобы снизить чувствительность нервной системы и головного мозга. Ведь трезвому слушать Берга становилось уже тяжело. Каждое новое журналистское задание, которое давал Бергер, всё ближе и ближе подходило к черте, отделяющей разум от безумия. А ведь начиналось всё неплохо и даже безобидно...

Полтора года назад Колганов, молодой двадцатитрёхлетний выпускник журфака провинциального университета, перебивался случайными заказами, которых не хватало даже на хлеб, не говоря уже о масле. И тут на глаза попадает объявление о том, что на конкурсной основе в какой-то московский журнал под странным названием «8-й день недели» требуется журналист. И хотя профиль издания, – а это мистика, эзотерика и паранормальные явления, – не особо Колганову нравился, всё же перспектива иметь в портфолио московское, и довольно популярное издательство, склонила чашу весов в пользу попытать счастье. И он сочинил статью на требуемую тему. Именно сочинил, потому что сам Колганов в эту чепуху нисколько не верил. Удивительно, но Бергеру, главреду и владельцу «8-го дня», работа понравилась. На Колганова посыпались заказы. Требования к статьям оказались предельно просты и откровенны – писать нужно интересно. Захватывающе, мистически-нереально-правдопо-

добно. Назови, как хочешь. Главное, чтобы читатель, открыв журнал, «проваливался» в мир иллюзий, забывая обо всём на свете. О том, что хотел сходить в туалет и открыть банку пива, о том, что нужно выключить воду в ванной. О семье и близких, наконец.

Поначалу было прикольно и даже немного интересно. Да и гонорары вчерашнему выпускнику «журкафа» ТГУ казались довольно приличными. На волне пришедшей популярности на сайте издания Колганову даже пришлось завести персональный блог, в котором умно отвечал на наивные вопросы читателей, а также делился с ними «пережитым». Как ни странно, никого не смущал достаточно юный возраст «ответанта». Со временем это превратилось в рутинную работу, выполняемую одной рукой. Во второй, как водится, баночка холодного пенного. Доходило до того, что иногда Колганов настолько «входил в роль» статей, что пускал слезу на волне эмоций.

А полгода назад Бергер предложил переехать в Мск. «Просьба» была, скажем так, мягкой, но настойчивой. Не терпящей возражений. Впрочем, Колганов не сильно-то и сопротивлялся, в надежде на то, что переезд хоть как-то раскочует унылую жизнь. Поначалу ютился в съёмной комнатухе, потом переехал в однушку в хамовниках. И ведь странное дело: чем больше статей он писал, чем точнее шлифовал мастерство языка изложения, чем больше у него становилось поклонников и подписчиков, тем скучнее и преснее становилась реальная, невыдуманная жизнь. И тем чаще пиво в руке уступало место стакану с более крепким напитком. На личном тоже не ладилось: как говорится, «то мы не тех, то нас не те».

Но вернуться домой, в Тлт, начать всё заново – желания не было. Да и была бы она, эта жизнь, новой – большой вопрос. Колганов прекрасно понимал, что отказаться от угара ночных клубов и «экспресс-знакомств» – вот это действительно поступок, меняющий жизнь. Но чем тогда заполнить образовавшуюся пустоту?

Стольный град не сильно понравился. Точнее, даже наоборот. Впрочем, это было взаимно. Привыкать к суете и бескомпромиссности мегаполиса пришлось болезненно и долго. Словно оставался заложником своего внутреннего, выдуманного мира, построенного в голове и отражающегося статьями на страницах журнала. Со временем мир реальный и мир выдуманный притёрлись и ужились вместе, иногда даже друг друга дополняя. Но однажды настал момент, когда пути их разошлись. Рано или поздно, это должно было произойти. А человеческая оболочка, выступавшая точкой соприкосновения двух миров – Колганов, остался стоять на месте в полном одиночестве, раздираемый внутренней пустотой.

Он утомлённо зевнул и потянулся, одновременно пытаясь попасть ногами в тапки. Из-под подушки сдавленно зазвонил айфон. У Колганова имелась странная привычка перед сном класть трубу под подушку. Кто что, а он мобилу. Меж тем настойчивая мелодия Old phone, а такая стояла только на входящих от главреда, резала слух и сгоняла остатки сна.

Бергер? Какого чёрта он звонит в такую рань?

– Проснулся?

Главред никогда не утруждал себя приветствиями и прочими этикетными фразами.

– Типа того, – прокашлялся Колганов.

Что на этот раз взбрело ему в голову?

– Давай не задерживайся. – В трубке возникла пауза, и Колганову показалось, что главред сделал глоток обожаемого им кофе «три в одном». – Я тебя уже жду. Есть очень интересный материал. Считай редакционное задание, о котором ты даже не мечтал.

– Я... – Колганов растерялся, не зная, что ответить. Однако в трубке уже слышались мерные гудки.

Бл... ть!

Он швырнул телефон на подушку.

Какое нафиг задание, которое не потерпит полтора часа времени?

Бергер уже в редакции? Нахрена так рано? И зачем звонить, если сегодня обычный рабочий день? Кажется, с возрастом он начинает сходить с ума... Впрочем, как все главреды. Это у них профессиональное.

Подойдя к зеркалу в ванной, Колганов зевнул и не спеша потянулся. Из отражения на него смотрел высокий широкоплечий молодой человек. Лёгкая небритость шла только на пользу. Светло-русые волосы, немного веснушек – девушки нередко говорили, что он красив. А он всегда отмахивался, мол, «мерси, краснею». Зато втайне себя считал чертовски привлекательным. Поиграв мускулами с отражением, Колганов залез под душ. Пока он неспешно водил зубной щёткой во рту, миллиарды молекул прохладной воды разбивались о волосы, и спешно стекали по кафельной плитке. И, прежде чем исчезнуть навсегда, кружили в маленькой воронке ванны.

Если бы Колганов посмотрел под ноги, то с удивлением обнаружил, что воронка крутится не по часовой стрелке, а против неё.

Глава 2

Бергер долго не мог уснуть. Сначала просто лежал, ворочаясь с бока на бок и слушая, как ветер играет с жалюзи полуоткрытого окна. Жена мирно посапывала под боком и, кажется, совсем не подозревала о бессоннице супруга. Пространство комнаты тем временем наполнял приглушённый шум проезжавших мимо машин и подростковый раскатистый смех. Сначала Бергер вознамерился закрыть окно, но тут же сообразил, что в комнате станет жарко. Поэтому просто накрыл голову подушкой. Звуки улицы исчезли. Но, как назло, стали докучать разные мысли: неделанные дела, рутинные рабочие моменты, обрывки воспоминаний детства и ещё какая-то непонятная лабуда. Потом, когда вся эта бестолковая возня дополнилась жаждой, он поднялся с кровати и, ощущая себя совершенно разбитым, поплёлся на кухню дабы приготовить кофе.

Включил чайник и выудил из коробки пакетик кофейного напитка «3 в 1», оказавшийся последним. И пока вода подогревалась, с грустью его рассматривал, переминая пальцами.

Потом пододвинул стул и устало присел. Взгляд упал на пульт от телевизора. Главред пощёлкал каналами, и остановился на документальной передаче, рассказывающей о сгоревшем в прошлом году в ночь на 1 ноября шикарном особняке. Он отложил пульт и, от нечего делать, стал смотреть.

Компания «мажоров», судя по всему, решила отметить «Хэллоуин». И, видимо, в какой-то момент их веселье стало неуправляемым – в доме вспыхнул пожар. Позже среди руин обнаружили двадцать два обгоревших тела в маскарадных костюмах вампира, принцессы Фионы, Золушки, Элвиса Пресли, феи и других. Огонь уничтожил практически всё. Прибывшие на место пожарные и спасатели, фактически, беспомощно развели руками. В полиции сначала заявили, что, судя по скорости, с какой сгорел гигантский особняк – дело неладное. Иначе говоря, такое ощущение, что его одновременно подожгли с нескольких сторон. И даже возбуждали уголовное дело по соответствующей статье. Однако чуть позже официальный представитель сообщил, что рассматриваются разные версии случившегося, в том числе возгорание по причине неисправной проводки. А совсем недавно дело закрыли. Вроде как короткое замыкание и виновато.

Ведущий всё ещё пространно рассуждал о причине трагедии, о том, что, возможно, между участниками веселья произошла кровавая ссора. И кто-то уронил на пол торшер с зажжёнными свечами и... но Бергер уже вовсе думал о том, что короткое замыкание – оно в головах тех, кто считает будто дом поджёт себя сам. Позабыв о закипевшем чайнике и пакете кофе, который машинально продолжал держать в руке, главред лихорадочно соображал о том, что это *идеальный* сюжет для первой полосы его журнала. И написать статью, причём в предельно сжатый срок, должен... кто? Правильно, его лучший сотрудник! Великолепный, несравненный в своём мастерстве Егор Колганов. Бергер с трудом поборол желание сразу же броситься к телефону.

Никто не должен опередить меня с материалом. Скорей бы утро, скорей бы утро!

Дабы хоть немного успокоиться, он налил напиток и долго размешивал, мерно постукивая ложкой о края чашки.

Он и сам был готов написать – такое творческое возбуждение охватило. Это должна быть захватывающая, первоклассная статья. Будоражащая кровь и леденящая душу!

Нужно взять интервью у очевидцев, соседей и родных тех, кто... стоп!

Бергер понуро выдохнул, почесывая лоб.

Никто из родственников, и тем более родителей, не согласится на разговор с журналистом. Ведь не просто так эту историю старательно умалчивали. В лучшем случае пошлют, а в худшем...

Может, попробовать зайти с другого входа – через знакомых полицейских? Мм, тоже не вариант – за ту сумму, что готов заплатить Бергер, никто не захочет подставляться. И вообще непонятно, у кого в сейфе материалы дела.

Придумать липовых очевидцев и ясновидящих?

Эврика!

Он радостно хлопнул себя по лбу.

Это будет ретроспективный экскурс в то, что произошло в сгоревшем особняке. Как бы глазами того, кто там был...

Главред мысленно представил, как он, словно играя в «шутер», блуждает, перемещается по дому. Смотрит на лица присутствующих, впитывает в себя их выражение, пытаясь его запомнить. Вот вампир подходит к Фионе, и демонстративно подносит к горлу девушки окровавленный нож. Вынутый, кстати, перед этим из тела предыдущей жертвы – мм... кто бы мог ею быть... ладно... пусть будет русалка. Нет. Русалки там вроде не было. Точнее, обгоревших останков, одетых в костюм русалки, в доме не обнаружили. А вот Золушка была! Итак, вампир хладнокровно заколол в туалете Золушку, и угрожает холодным оружием уже Фионе. Та от ужаса сначала теряет дар речи, но через секунду, собравшись силами, начинает истошно кричать. Но поздно. Слишком поздно. Вампир с размаху накрывает её перекошенный от страха рот огромной потной ладонью, и крик мгновенно обрывается. В следующее мгновение холодная сталь полоснула горло несчастно жертвы. Фиона конвульсивно продолжает сопротивление, но это лишь часть агонии. Ярко-красная кровь, кажущаяся почти чёрной в полумраке, фонтанирует из разрезанного горла...

Бергер почувствовал сексуальное возбуждение и просыпающуюся эрекцию. Он вскочил со стула и стал наматывать круги по кухне. Затем остановился около окна, поднял жалюзи и воззрился на улицу. Шумная компания продолжала веселье. Семь подростков, четыре парня и три девушки, пьют пиво из пластиковых пол-литровых стаканов и грызут семечки. Рядом валяются несколько пустых «ваучеров». Один из молодых людей, высокий, с длинными чёрными волосами, шагнул к стоящей рядом девушке со светлой косой, и приобнял её за талию. Та склонила голову на его плечо. Другой парень, немного ниже ростом и с короткой спортивной причёской, сделал глоток из стакана и пнул пустой ваучер. Тот с глухим стуком полетел в кусты. Двух других девушек наполовину скрывала листва, и Бергер слышал лишь звонкий смех, прерываемый ярко вспыхивавшими в полумраке огоньками сигарет.

Главреду стало казаться, что компания не просто хлещет пиво от нечего делать, а отмечает «Хэллоуин». А кусты, дерево и замусоренная шелухой лавка – обстановка комнаты, в которой протекает веселье. И тускло светящийся фонарь – не фонарь даже, а дорогая люстра со свечами. Каждого из подростков Бергер «одел» в соответствующий костюм и наделил аутентичными чертами. И хотя «персонажи», мирно пьющие на свежем ночном воздухе, бесконечно далеки от сгоревших в доме, главреда это нисколько не смущало.

...Вампир с наслаждением всматривается в мало-помалу тускнеющие глаза Фионы. Широко открытые в немом наивном вопросе «за что?», они так и манят, вызывая желание всматриваться в них снова и снова. Пробежавшая по телу жертвы конвульсия означает момент расставания души с брэнной оболочкой. Прощальный поцелуй в безвольные уста, и убийца отпускает бездыханное тело. Падая, Фиона задевает стоящий за спиной канделябр, и роняет его.

Языки пламени лизнули дорогой паркет...

Не выдержав, Бергер зашёл в туалет и вытащил из трусов эрегированный член.

Неизвестно, что возбуждает больше – женщины или их истерзанные трупы.

Закончив, нажал на слив и устало прислонился плечом к стене. Во время эякуляции он нечаянно прокусил губу, и теперь ощущал солёный привкус во рту.

Почему вампир? Почему Золушка, Фиона и нож? На эти вопросы главред затруднился бы ответить. Просто пришло в голову. Просто...

Если не считать костюмов, в которые ожидаемо облачаются празднующие, и которые идентифицировали на пепелище, существовал один момент, чья странность не осталась незамеченной. Это чудом уцелевший календарь, намертво прибитый ножом к стене. Клинок вошёл в кирпичную кладку ровно наполовину. Причём, судя по экспертизе, его не забивали, а вогнали с первого раза. У календаря с отмеченной датой «31 октября» лишь слегка обгорели края, а на лезвии обнаружили запёкшуюся человеческую кровь. Принадлежность которой, кстати, так и не смогли установить.

От всей этой информации у Бергера кружилась голова. Он вышел из туалета и разбавил полуостывшей водой кофе. Сделав несколько глотков, главред напрягся. Что-то было не так. Оглядевшись по сторонам, он ничего подозрительного не обнаружил. Тишина... Это и было странным. Полная тишина. Даже ветер перестал заигрывать с жалюзи. Да компания под окнами поутихла. Компания...

Бергер выглянул в окно, но никого не увидел. Лишь одинокий фонарь около лавки понуро светил хмурым глазом.

Ушли...

Допив в два глотка напиток, он поставил чашку в раковину и собрался уходить, как внезапное чувство заставило чуть ли не подпрыгнуть на месте. Главред подбежал к окну и принялся жадно всматриваться в то место, где ещё десять минут назад распивали пиво подростки. Кровь понемногу сочилась из ранки, и нижняя губа распухла. Так и есть. Ему не померещилось. Ни пустых стаканов, ни ваучеров, ни шелухи.

Абсолютно чисто. Словно никого и не было.

Бергер прокрался в спальную и, как можно аккуратнее, лёг. Жена так и не проснулась, что скорее радовало. Потому что делиться мыслями и чувствами, переполняющими разум словно налитый до краёв стакан, не хотелось. Уж очень они напоминают кошмарный бред. Однако сон не приходил. Дождавшись, когда часы показали 7:40, он набрал номер Колганова.

Глава 3

Сделав несколько глотков холодной воды и наскоро одевшись, Колганов вышел на улицу. Но не успел дойти до своего серебристого «форда» буквально с десятков шагов, как Бергер позвонил снова. Журналист замедлил шаг, выуживая из сумки телефон, и не заметил, как буквально из-под ног, взвизгнув, выскочил черный кот. От неожиданности парень споткнулся, едва не упав. «Айфон» же, выскользнув из рук, стремглав полетел на асфальт.

– Бл...ть! – Колганов досадливо переводил взгляд с треснувшего экрана на кусты, в которых скрылось животное, то обратно. Звонок оборвался, но «труба» осталась жива, показывая пропущенный вызов. Как и котяра, жалобно мяукающий из недр густой листвы.

– Молодой человек, нехорошо так выражаться! – Невесть откуда взявшаяся бабушка с палочкой, остановившись, укоризненно качала головой.

– А? Да, извините. Я исправлюсь, – ещё не придя в себя, журналист отрешённо засунул разбитый гаджет в карман. Бабушка права и спорить с ней было бы не правильно.

«Я исправлюсь, обязательно исправлюсь...» – Всё ещё растерянно бормотал Колганов, когда оторвал взгляд от ожившей стрелки тахометра и посмотрел на удаляющуюся сторбленную фигуру.

Вернее, он ожидал увидеть неспешно бредущую прочь старушку.

Но поблизости никого не было. Ни старушки с палочкой, ни прохожих.

Ветер на секунду уснул, затем лёгким порывом поднял с асфальта лист бумаги.

Вот дела. Интересное утро...

Выезжая со двора на главную дорогу, он притормозил и по привычке мельком посмотрел налево. Убедившись, что никому не мешает, включил передачу и... В то же мгновение мимо со страшным грохотом промчался мусоровоз, поднимая за собой столб пыли и разбрасывая кучи вываливающегося из кузова мусора.

Колганов инстинктивно вцепился в руль и похолодел, мысленно представив картину случившегося, выедь он перед летевшим на всех парах многотонным монстром.

Каждый день в хрониках демонстрируются шокирующие кадры: разорванные, искореженные машины, ещё живые люди, на глазах у очевидцев превращающиеся в трупы. А несколько дней назад одному бедолаге, не сумевшему увернуться от лихача, вообще оторвало голову. Жуткие кадры... Брр.

На лбу выступил противный липкий пот, а глаза впилась в удаляющийся КАМАЗ, пока тот не скрылся за поворотом.

Сзади посигналили. Мыслеобразы исчезли.

Колганов покосился на зеркало заднего вида. Большой чёрный внедорожник почти дышал в задний бампер его машины. Журналист опустил руку на рычаг переключения передач, наблюдая, как дрожит кисть.

День только начался, а уже произошло много чего. Надо собраться и войти в колею, в противном случае всё будет валиться из рук. Сначала кот прыгнул прямо под ноги, потом он сам едва не попался под колёса... Ну что за утро?

За спиной посигналили уже настойчивее. Огромная пасть решётки радиатора чёрного мастодонта вздрогнула и подкатилась ближе, практически касаясь багажника «форда». Колга-

нов сжал пальцы на набалдашнике и выжал сцепление. Немного помедлив, плавно тронулся и выехал на улицу.

Спустя секунду затонированный в хлам внедорожник недовольно его обогнал, проехав демонстративно близко.

Но он этого даже не заметил, занятый совершенно другими мыслями.

Если бы не старушка...

Колени предательски дрожали.

Глава 4

В дверь кабинета главного редактора, а по совместительству и владельца журнала «Восьмой день недели» Михаила Бергера, настойчиво постучали. Не дожидаясь разрешения хозяина, порог переступил молодой человек лет двадцати двух.

– Здравствуйте. Я Кола. – Незнакомец шагнул к столу, протягивая руку для рукопожатия.

– Михаил Борисович. – Бергер не смог скрыть лёгкого удивления. Он ожидал увидеть другого человека.

Кола? А где, чёрт подери, Колганов?

Высокий и худощавый, посетитель одет в чёрные кеды с белыми шнурками, чёрные джинсы и не менее чёрную футболку. Копна волос соломенного цвета и светящиеся доброжелательностью голубые глаза на веснушчатом, слегка вытянутом лице. В руках небольшой кожаный портфель. Весьма потёртый и, разумеется, аналогичного колера.

– Присаживайтесь. – Главред нехотя указал на потрёпанный офисный стул, предназначенный для визитёров. Немолодая мебель угрожающе скрипнула под молодым человеком. – Вы записаны?

– Даже не знаю. – Кола пожал плечами, рассматривая обстановку кабинета. – Я приходил вчера вечером, но секретарша сказала, что вы отсутствуете. И предложила прийти на следующий день. То бишь сегодня.

Бергер задумался. *Ну не в такую же рань!*

– Ну хорошо, – он поднял песочные часы, стоящие на столе, и перевернул вверх тормашками. Жест призван сигнализировать нежданному гостю о том, что его время ограничено. Главред всегда так поступал, когда предстоящий разговор по какой-либо причине тяготил. Сделав сей прозрачный намёк, откинулся на спинку стула и слегка прищурился, силясь предугадать, с чем же пришёл незнакомец. Незнакомец со странным именем Кола. – Я вас внимательно слушаю.

Ещё Бергер недобрым словом вспомнил секретаршу Валу, не предупредившую о визите молодого человека.

От Колы не укрылся негостеприимный песочный посыл главреда, но он сделал вид, что не заметил этого.

– Ваша газета, Михаил Борисович, давно и успешно рассказывает не только о новых открытиях в разных областях науки, но и о, так скажем, «хорошо забытом» старом. Например, о древних корнях фразеологизмов, о которых мало кто имеет представление. Знакомит читателей с рецептами народной медицины и...

– Философией, оккультизмом, эзотерикой и религией. – Перебил его Бергер. – Вы совершенно правы, молодой человек. Только мне это давно известно. Не пойму, зачем рассказывать мне о том, чем занимается моя газета?

Чувствуя, что терпения главреда надолго не хватит, Кола сразу же перешёл к делу.

– Так вот о религии я и пришёл поговорить. Хотел бы вам предложить опубликовать свою статью о нашем прошлом. О мистической связи между древним язычеством и молодым христианством. – Кола открыл портфель и извлёк несколько скреплённых тетрадных листов формата А4, и положил их перед Бергером. – Вот, пожалуйста. Смею надеяться, что эта тема вас заинтересует.

Тот покосился на исписанную убористым почерком рукопись, однако в руки не взял. Вместо этого бросил выразительный взгляд на песочный хронограф, уже отсчитавший половину временного цикла.

Этот чудак не в курсе, что существуют компьютеры и программа «Word»?

– Смею спросить, почему вы, молодой человек, называете христианство, насчитывающее более двух тысяч лет истории, молодым?

Кола искренне удивился вопросу.

– Что такое две тысячи лет для человечества, насчитывающего гораздо более глубокую историю? Так, мгновение.

– Всё равно вынужден с вами не согласиться. – Главред категорично покачал головой. – Сайентология, Новое мышление и Живая Этика – вот примеры действительно молодых религий. Возникшие совсем недавно, они зачастую оспариваются традиционными конфессиями и судебными органами разных стран. Что поделаешь, – Бергер философски пожал плечами, – такова судьба всех вер. Даже упомянутое вами христианство начиналось с гонений его последователей. – Бергер встал, разминая затёкшие конечности, и подошёл к окну.

Вид сыпающегося песка не только не успокаивал, но и начинал раздражать. Каждая песчинка с грохотом ударялась об другие, раскатистым эхом вползая в черепную коробку. Недолго думая, Кола аккуратно положил часы набок. Грохот смолк. Сразу стало легче.

– Расскажите вкратце, что здесь написано. – Не оборачиваясь, попросил главред.

Подобные разговоры, откровенно говоря, ему нравились. В противном случае он бы давно прогнал незваного посетителя.

– Принято считать, что христианство и язычество – антагонисты. – Кола машинально потянулся к рукописи, словно студент за шпаргалкой. Но передумал и сел обратно, пытаясь найти комфортное положение на жёсткой неудобной поверхности.

Инквизиция для несогласных с главредом журналистов? И сколько же их подверглось пыткам этого стула? – Но, как мне кажется, это неверно. И то и другое суть Божий промысел, уготованный для нас. Ведь, как известно, история не знает сослагательного наклонения.

Кола замолчал, предоставляя собеседнику возможность проявить отношение к сказанному. Но Бергер лишь распахнул окно, впуская в кабинет тёплое майское солнце.

– Продолжай, – коротко бросил он.

Кола набрал до отказа в лёгкие воздуха, и медленно выдохнул. Он любил солнце. Ведь не зря же носил такое солнечное имя.

– Корень всех наших бед в том, что мы не принимаем своё прошлое. Не принимаем его как единое неделимое целое. Расчлняем его на то, что нравится, чем гордимся и тешимся. И на то, во что не верим, от чего отказываемся и что не хотели бы признавать. А ведь нам нечего стыдиться! У нас, русских, великое прошлое и древняя история. Её сознательно искажают, чтобы лишить нас будущего. Лишить самодержавия духа и обратить в послушное стадо баранов, бегущих за скидками в гипермаркеты. Никто не должен догадаться, что человек, не ведающий своих корней, лишён будущего. Это справедливо и в отношении целого народа. Отсюда все болезни. Ведь это своего рода шизофрения, раздвоение сознания. А человека нельзя делить. Нельзя себя делить. Нужно осознать, что ты – образ и подобие Бога. Что ты – творец! – Распалённый собственной речью, он вскочил и зашагал по кабинету. Портфель свалился на пол.

Бергер, ухмыляясь, повернулся к молодому человеку. И, скрестив руки на груди, сел на подоконник.

– Да, человек творец. – продолжил Кола с жаром в голосе, – Мы же в состоянии творить. Для этого нам даны руки. И сердце.

Главред пока не определился с тем, как реагировать на услышанное.

– Занятная у тебя теория, Кола.

– Скорее, история. Но нам пора осмыслить прошлое, чтобы изменить будущее.

– Глобальная задача. А как ты собираешься примирить христиан с неоязычниками?

– Очень просто. Для этого я и пришёл к вам. Нужно, скажем так, доносить в массы информацию. Нужно рассказывать людям об их прошлом. О том, что на самом деле никакого противостояния нет. Ведь солнце светит для всех одинаково, не выделяя по вере. Ветер обдувает и христиан, и буддистов, и иудеев. Земля одинаково всех кормит хлебом. Я об этом и написал в своей работе. Надеюсь, вы её опубликуете.

Бергер помедлил с ответом. В пространстве кабинета повисла звенящая тишина. И первым её нарушил ветер, заглянувший в распахнутое окно и скрипнувший жалюзи.

– Скажи, Кола, а какие у тебя имеются доказательства? Или ты всё это придумал во сне? Но тот пропустил издёвку мимо ушей.

– Отнюдь нет. Всё есть в открытых источниках, лежит на поверхности. Нужно только иметь желание знать. Например, в русской литературе много говорится о двоеверии. Причём в сугубо положительном контексте. В нашей истории христианство и язычество переплелись настолько сильно, что невозможно отделить от другого. Двоеверие существовало до начала правления в Московии царя Алексея Михайловича. Проще говоря, простой народ исповедовал не только православие, то есть христианство греческого обряда, пришедшее из Византии, но и старую дохристианскую веру своих предков православие.

Бергер, имевший доселе равнодушный вид, встрепенулся.

– Ты назвал христианство правоверным. Ничего не перепутал?

– Ни капельки. Православие – это не религия, а вера. Православие означает «правь славил» и уходит корнями в русский ведизм. Так, первоначально христиане именовали себя правоверными, однако позже этот термин отошёл к исламу. И далеко не секрет, что эпитет «православный» христианство имеет только на русском языке. На остальных оно называет себя ортодоксальным. То есть правоверным. Кстати, в оригинале «Слова о Законе и Благодати» принимавшие участие в семи Соборах святые отцы прямо названы правоверными, а не православными. И, если внимательно прочесть преамбулу Федерального закона «О свободе слова и о религиозных объединениях», то можно самому убедиться, что используемые в нём понятия «христианство» и «православие» не тождественны. Христианство из правоверного стало именоваться православным лишь в 17 веке, после реформ Патриарха Никона. Что по историческим меркам совсем недавно. Русская Православная Церковь как официальное наименование утвердилось и вовсе в 1943 году, при Сталине.

– Он учился в Тифлисской духовной семинарии, – невольно вырвалось у Бергера.

– Совершенно верно. – Согласился Кола. – И лишь немного не доучился, получив возможность работать лишь учителем начальных народных училищ.

– С историей у вас порядок, – похвалил главред.

– Спасибо. А что касается нашей темы, можно добавить, что великое множество христианских праздников просто наложены на языческие.

Бергер насторожился.

– Например?

– Пожалуйста. Если опустить юлианскую, григорианскую и новоюлианскую календарные реформы, которые заслуживают отдельного разговора, то христиане отмечают Рождественский сочельник шестого января. А ещё раньше наши предки в этот день славили Велеса. Следующий день, 7 января, – великий христианский праздник Рождество Христово. Окончательное

определение его даты было сделано в 431 году на Третьем Вселенском Соборе. Но за много веков до этого уже существовала, а в некоторых славянских странах жива до сих пор, рождественская традиция колядования. Молодые люди стучались в дома и пели рождественские песни, получая за это деньги, угощение и подарки. Причем считалось, что для тех, кто проявит скупость, новый год окажется неудачным. Эта традиция берёт начало у языческого празднования Коляды – дня рождения одноименного бога. Этот наш древний праздник связан с зимним солнцестоянием и сменой времен года. Ведь именно Коляда даровал Родам систему исчисления сезонного времени для ведения полевых работ – Календарь.

– Нда. Всё это, как говорится, предания старины далёкой, – тон главреда немного смягчился, – малопроверяемо, но чертовски привлекательно. Особенно детям.

– Разве? – Усомнился Кола. – Ведь этими вопросами, как вы выразились, «преданиями старины далёкой», занимались и занимаются весьма уважаемые учёные мужи. И не только они, но и обычные сподвижники-любители русской истории.

– Да я шучу, молодой человек. – Бергер примирительно вскинул руки. – Вы проделали большую важную работу. И действительно заслуживаете награждения. То есть публикации.

Кола почувствовал, к чему клонит сидящий на подоконнике человек.

– Я могу привести огромное количество доказательств того, что всё, здесь изложенное — правда. – Кола с отчаянием во взгляде кивнул на исписанные листы, впитавшие холодный люминесцентный свет бессонных ночей. И отёр со лба капельки пота, проступившие от напряжения. А человек, во власти которого было всё, покрылся плёнкой безразличия. Он мог казнить и миловать, то есть принять к изданию материал или отказать. Но предпочёл хранить молчание, словно упиваясь ситуацией. На мгновение вся Вселенная для Колы уместилась в пространстве небольшого, залитого солнцем, кабинета. И он возненавидел Бергера. На секунду. Потом всё прошло.

– Вы... вы мне отказываете?

– Поймите меня правильно, Кола. – Бергер старательно подбирал нужные слова. – «Восьмой день недели» специализируется на материале, который интересен массовому читателю. Читателю, не обременённому интеллектом. Наш покупатель предпочитает статьи, уместяющиеся на одном развороте и которые он может осилить, потягивая любимое пиво. Он любит истории, в которых много крови, загадочного и таинственно-потустороннего. Даже если всё это – выдумка. Ведь главное для человека – возможность расслабиться после трудового дня, приобщившись к великому и непознанному. К тому, к чему он в своей серой безликой жизни никогда даже не приблизится. А вот подойти к газетному киоску или посетить наш сайт – это пожалуйста. Это легко. Это в его силах. И, что немаловажно, он всегда может самостоятельно прекратить процесс приобщения. Когда, например, почувствует, что его энергетическое поле расшатано и требует отдыха для восстановления. Он просто захлопывает страницы или выключает компьютер. Вот так. Всё легко, просто и непринуждённо. И – востребовано. Последнее для меня как весьма успешного журналиста и владельца газеты – самое главное.

Лицо Колы потемнело. Он без сил плюхнулся на стул, угрюмо уставившись в точку на противоположной стене. В голове засела противная мысль, что итог встречи очевиден, и заострять внимание на том, что дальше скажет Михаил Борисович, нет необходимости. Бергер, тем временем, оторвал пятую точку от подоконника и подошёл к сидящему юноше. Нагнулся, поднял продолжавший небрежно валяться портфель, и деликатно протянул Коле.

– Вам, Кола, надобно обратиться в серьёзное научное издание. Ваша работа – это их профиль. Говорю это как комплимент. Поэтому не унывайте...

– Но ведь вы даже не пролистали... – вырвалось у парня с горечью.

– В этом нет необходимости, – парировал главред, – если вы сейчас без искажений передали информацию, содержащуюся в рукописи.

Кола молча кивнул.

– Ну вот и отлично, – продолжил Бергер, подходя к столу, – а мне лишь остаётся от всего сердца пожелать вам удачи. Как говорится, зелёного светофора по дороге к типографскому станку.

Кола сморгнул и окончательно взял себя в руки.

– Опубликовав мою рукопись, Михаил Борисович, или хотя бы часть её, вы могли изменить к лучшему хотя бы одну судьбу, – сказал он спокойным тоном, – но вы предпочли этого не делать.

– Да, мой друг. – Бергер улыбнулся, – все мы в этой жизни делаем выбор.

Внезапный порыв ветра легко подхватил лежавшие на столе листы и утянул в распахнутое настёжь окно. Кола вскочил и замахал руками, снова уронив портфель. Но безрезультатно. Высунувшись из окна по пояс, напряжённым взглядом всматривался в густой ковер травы, скользил по пешеходной дорожке, проходившей вдоль здания редакции, и останавливался на прохожих, по воле случая оказавшихся поблизости. Однако следы пропажи отсутствовали. Не выдержав, окрикнул женщину, неспешно шедшую прогулочным шагом.

– Извините!

Та не сразу сообразила, откуда голос. Наконец, остановилась, удивлённо взирая на взломаченную фигуру, наполовину высунувшуюся из окна третьего этажа и махавшую ей рукой.

– Извините, вы сейчас не видели выпавшие из окна бумаги? – прокричала фигура молодого мужчины.

Женщина остановилась.

– Нет!

Кола не разобрал слов, но смысл отрицательного покачивания головой был слишком очевиден.

– Эй, кто-нибудь видел мою рукопись?

И, не дожидаясь ответа на безадресный вопрос, стремглав бросился к выходу.

Бергер притворил распахнутую дверь и расстегнул верхнюю пуговицу рубашки.

Надо выпить кофе. Вот чёрт, как же не хватает Вальки.

Остановившись перед зеркалом, разглядел чёрные с проседью волосы. В свои сорок шесть он выглядел совсем неплохо. Жизнь удалась. Статный господин, успешный журналист и предприниматель. Интересно, кого в нём больше – журналиста или бизнесмена? Ведь, говоря по чесноку, он продаёт непривередливым читателям наспех сляпанную пищу для мозга. Точнее, для его отключения. Полуфабрикат. Общепит. Придуманные им же самим или Колгановым «новости», «факты» и прочие «приключения». Справедливости ради следует отметить, что недостатка в подобном материале никогда не было. Почтовый ящик и «электронка» ломятся от тонн и гигабайт мистической чепухи. Каждый день в редакцию звонят и приходят придурки, пережившие клиническую смерть или открытие «третьего ока», и потому спешащие вразумить тёмное человечество, как жить правильно. Волхвы, знахари, экстрасенсы и прочие маги – сколько же он, Михаил Борисович Бергер, или проще, Berg, перевидал их на своём издательском веку? А ещё навешиваются непутёвые «внуки», желающие продать старинные бабушкины рецепты «от сглаза и всех болезней». За приемлемую цену. Причём, поторговавшись, можно уменьшить её на несколько порядков. Проверено.

И каменной непреодолимой стеной, надёжным заслоном от этих персонажей стоит секретарша Валя. Высокая сорокалетняя женщина с твёрдым взглядом и тяжёлой рукой. *Тот же*

проверял. По пьяни. За эту её способность охранять в покое его, Бергера, нервы и душевное равновесие, он прощал секретарше всё.

Она больше, чем секретарша. Она – мой верный соратник. Моя правая рука.

Но сегодня Валентина, впервые за много лет, отсутствовала. Это было странно, непривычно. Позвонила и сказала, что болеет. Но постарается отлежаться и выйти на следующий день. То есть завтра. *Выздоровливай.*

А пока Валя выздоравливала, к нему прорвался этот одержимый. Как его... Кола. Кола, хм. Странное имя. В самый раз для сумасшедшего. *Эх, Валя, Валя.*

Главред остановил взгляд на дипломах, сертификатах и наградах, занимающих добрую половину стены за его креслом. Врученные «8-му дню недели» различными эзотерическими обществами и академиями духовного развития, эти дары призваны поднять авторитет журнала в глазах каждого вошедшего.

Но Кола на них вообще не обратил никакого внимания. Словно не заметил.

Бергер поправил перекинутый через один диплом завязанный пионерский галстук. Это может показаться странным, но документ преподнесли именно с сим артефактом.

Подходя к кулеру за водой для кофе, Бергер неожиданно вспомнил, что сегодня не просто 19 мая. Сегодня – День пионерии. И, только сев за стол с пластиковым стаканчиком растворимого кофе в руке, обратил внимание на неподвижно лежавшие на боку песочные часы. Несколько секунд Бергер буравил их странным взглядом, не чувствуя горячего напитка.

Часы круглые, но не скатываются. А время на них остановилось.

Затем кисть прошила острая боль, и пальцы разжались.

Глава 5

Небольшая площадка перед офисным центром, в котором располагалась редакция «8-го дня недели», оказалась переполненной припаркованными машинами. Однако Колганову повезло: прямо перед ним сдвинулась назад «веста», и он юркнул на освободившееся место. Ярко светило солнце, и с каждым шагом, приближающим к центральному входу, он чувствовал, как постепенно успокаивается и согревается, одаряемый теплом ласковых лучей.

Но внезапно журналист замер, как вкопанный. Внимание привлёк предмет, лежащий прямо под ногами. С виду ничем не примечательный. Таких полным-полно. Мусор. В другой раз он бы прошёл мимо, не останавливаясь. Сейчас же, повинувшись странному чувству, состоящему наполовину из интереса и наполовину из удивления, поднял находку и внимательно рассмотрел. Повертел в руках, покрутил головой в поисках предполагаемого владельца вещи и, такового не обнаружив, убрал в сумку.

И зашагал дальше, подгоняемый догадками о том, что же заставило Бергера позвонить.

Предметом, привлёкшим внимание Колганова, было несколько больших тетрадных листов, сцепленных друг с другом скрепкой. Листы исписаны мелким почерком так, что не осталось свободного места. А на полях маленькие рисунки: фигурки, знаки и символы.

Подойдя к лифту, хотел было нажать кнопку вызова, но увидел, что в этом нет необходимости: не успели двери разойтись до конца, как из кабины выскочил долговязый парень в чёрной футболке и сбил с ног не успевшего посторониться журналиста. Неуклюжий незнакомец на мгновение остановился и бросил виноватый взгляд. Затем буркнул «извините» и с утроенной скоростью помчал к выходу, обдав Колганова порывом воздуха. Тот даже не успел ничего ответить. *Чудак*. Лишь проводил недоумённым взглядом фигуру, светлые волосы которой так контрастировали с чёрной футболкой и брюками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.